

Russian language in Kazakhstan]. Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic approaches to non-standard Russian. Helsinki, 2010, p.103.

17. Tolstaja T. *Posle. Postsovetskaja literatura v poiskah identichnosti* [After. Post-Soviet literature in search of identity]. Available at: <http://www.litsoch.ru/essays/read/14714>. (Accessed: 22.01.2017).

18. Hugaev I. S. *O granicah i kriterijah nacional'noj translingval'noj literatury* [On the boundaries and criteria of the national translingual literature]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra* [Bulletin of the Vladikavkaz scientific center], 2013, vol. 13, no. 1, pp. 2–6.

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК ТЕКСТООБРАЗУЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Горлова Галина Николаевна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: alexgalin@mail.ru.

В данной статье автор предпринимает попытку рассмотреть ономастическую лексику в контексте проблем текстообразования произведений художественной словесности на примере личных собственных имен персонажей романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина».

Ключевые слова: художественная словесность, ономастика, антропонимикон, литературное имя собственное

ONOMASTIC VOCABULARY AS A TEXT-FORMING CATEGORY IN WORKS OF ART LITERATURE

Gorlova Galina N., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: alexgalin@mail.ru.

In this article the author attempts to consider onomastic vocabulary in the context of problems of text formations of works of art literature on example of proper names of characters of Tolstoy's novel "Anna Karenina".

Keywords: art literature, onomastic, anthroponym, literary proper name

Отправной точкой данной работы послужила мысль, высказанная когда-то Л.В. Щербой: «Целью и задачей изучения языка художественного произведения является показ тех лингвистических средств, посредством которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание литературного произведения» [4].

Изучение функционирования ономастической лексики, в частности, антропонимов, в языке художественной литературы имеет определенную специфику. Словесная структура художественного произведения является, по словам В.В. Виноградова, как бы «второй (образной) действительностью». В ней несколько иначе, чем в нехудожественном тексте, в других жанрах словесности ведут себя все языковые средства, в том числе и имена собственные. В работе «О языке художественной литературы» В.В. Виноградов подчеркивал: «Специфика образно художественного осмысления слова сказывается даже в функциях собственных имен, выбранных и включенных писателем в состав литературного произведения» [1].

Поскольку задача художественного произведения – не просто передать информацию, а «склонить читателя в сторону того или иного понимания той или иной оценки разных сторон воспроизводимой действительности, воздействовать на читателя и направлять его чувства и симпатии в соответствии с идейной концепцией писателя» [1], анализ литературных имен собственных как текстообразующей категории следует производить с учетом, во-первых, мировоззрения и идейно-художественного замысла автора, отражающего жизнь под

определенным углом зрения, а так же его интенций, и, во-вторых, с учетом того, как ономастикон писателя соотносится с реальной ономастикой как частью воспроизводимой в художественном произведении действительности.

Какова специфика личных имен собственных в текстообразовании художественной словесности на примере романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» нам и предстоит разобраться.

Все антропонимическое пространство романа «Анна Каренина» можно разделить (с целью удобства исследования) на «фамильную» часть и «именную», в которую можно включить личные имена, отчества и модели именований. Предметом анализа данной работы являются личные имена толстовских персонажей. особенности их выбора и употребления с позиции оценки роли ономастики в художественно-словесном творчестве писателя.

Поскольку личные имена и отчества являются более устойчивой категорией литературной ономастики, автору нет необходимости изобретать новые имена и их сочетания с отчествами, он может как текстообразующую категорию использовать имеющийся в языке фонд имён (антропонимикон). Л.Н. Толстой в подборе имен для персонажей романа «Анна Каренина» руководствовался не только стилистическими возможностями реального антропонимического фонда современной ему России, но и принципом социально-исторического правдоподобия, что характерно для реалистического направления в литературном процессе, и личными пристрастиями, что характеризует личность писателя и составляет часть его идиостиля. Кроме того, для Толстого выбор личных имен обуславливался не только творческим методом, но и конкретными обстоятельствами, в которых находился писатель в период работы над романом. а также личным окружением писателя.

В этом отношении весьма показательным является выбор имени главной героини романа. Широко известен тот факт, что образ *Анны* возник в сознании писателя после встречи в Туле со старшей дочерью А.С. Пушкина *Мари-ей Александровной Гартунг*. Но, сохранив в романе черты внешнего облика *Марии Александровны*, Толстой наделил её чертами характера, созданного его воображением, а имя героини вообще определилось в течение долгого времени и неоднократно менялось.

В первоначальных вариантах романа главная героиня называлась поочередно *Татьяной*, *Анастасией* (сокращено *Нана*), в каноническом тексте она получила имя Анна, которое впервые появляется в четвертом варианте. По воспоминаниям С.А. Толстой и С.Л. Толстого, судьба героини романа была подсказан Толстому действительным случаем, произошедшим в 1872 г. с Анной Степановной Пироговой, экономкой в доме ближайшего соседа Толстых по Яснополянскому поместью А.Н. Бибикова. Софья Андреевна именно этим фактом объясняла, «почему Каренина Анна и что навело на мысль о подобном самоубийстве...» [3].

Свидетельством трансформации реальных имен и отчеств в литературные в творческой лаборатории Толстого может служить имя князя *Облонского*. В романе он *Степан Аркадьевич*, тогда как его прототип *Перфильев*, *приятель Толстого*, носил имя *Василий Степанович* (отчество трансформировалось в имя). А отчество, данное Толстым брату и сестре Облонским – Степан Аркадьевич и Анна Аркадьевна, достаточно редкое в реальном ономастиконе XIX в., в сочетании с распространенными именами Анна и Степан делает эти имена индивидуальными и дистанцирует литературные персонажи от их возможных прототипов. Уместно тут будет заметить, что имя матери Василия Степановича Перфильева – Анастасия Сергеевна (так в одном из черновых вариантов называлась будущая Анна Каренина). Следовательно, можно сделать вывод, что в романе «Анна Каренина» в меньшей степени, чем, например в эпосе «Война и мир», но всё же многие действующие лица названы реальными именами, которые полностью или частично совпадают с именами их прототипов. Такое включение в «ономастическое пространство»

художественного произведения реальных имен и отчеств придавало ему жизненную убедительность.

Чтобы судить о степени соответствия имен персонажей литературных произведений реальному имени, надо знать реальную антропонию периода, изображаемого в художественном произведении. Применительно к объекту нашего исследования – роману «Анна Каренина» – это период конца 60-х–70-х гг. XIX в.

Сложность подобного исследования заключается в том, что, к сожалению, систематических исследований по русской реальной антропонимии данного периода пока нет, что делает весьма затруднительным изучение вопроса о степени влияния реального ономастикона на художественно-литературную ономастику писателя. Однако некоторые шаги в этом направлении сделать можно.

Прежде всего следует остановиться на таком аспекте исследования, как отражение в романе «Анна Каренина» функциональной неоднородности антропоники русского общества соответствующего периода, его социально-сословной детерминированности. Сопоставление дворянских и крестьянских имен с реальным именем середины XIX в. показывает значительную близость литературного имени и имени реального человека в их сословной дифференциации.

В романе имена – *Александр, Арсений, Григорий, Дмитрий, Евгений, Константин, Сергей, Алина, Александра, Анастасия, Варвара, Дарья, Екатерина, Лидия, Лили, Надежда, Наталия* – носят только дворяне.

Имена *Агафья, Дуняша, Матрёна, Герасим, Архип, Корней, Кузьма, Ермил, Лаврентий, Матвей, Прохор, Семён, Тит* носят только люди из просто-народья. Остальные имена встречаются у персонажей, принадлежащих разным сословиям. Так, например:

- *Егор* – брат Алексея Вронского; Корсунский, лакей в гостинице;
- *Лизавета* – княгиня Тверская, княгиня Мягкая, Меркалова, акушерка;
- *Николай* – князь Щербацкий (двоюродный брат Кити), сын Облонских, брат Константина Левина, Свяжский, крестьянин в имении Левина.

Помимо дифференциации по линии «имя дворянское – крестьянское», в романе «Анна Каренина» отразилась стилистическая дифференциация по линиям национальной, возрастной за счёт как их состава, так и их форм.

По национальному принципу имена делятся на два разряда: имена иностранцев и имена русских персонажей, имеющие иноязычный облик.

Так, иностранцев зовут:

- *Карл Фёдорович* – управляющий в имении Вронского;
- *Mariett, Фани* – гувернантки в домах Карениных и Облонских;
- *Ганна* – воспитательница Анны и др.

Русские персонажи имеют «иностранные» имена в связи с традицией (речь идёт о «дворянских» именах), широко практикуемой в обществе.

В середине XIX в. «модными» считались англизированные имена (*Долли, Киши, Бетси, Мери, Стива*) в отличие от конца XVIII – начала XIX в., когда были в ходу французские варианты имен, что и нашло отражение в антропонимической системе романа Толстого «Война и мир» (ср.: *Софи, Мари, Аннет, Жюли, Андре, Пьер, Натали, Nicolas* и т.д.).

В зависимости от возраста персонажи получают разные формы одного имени: *Николай Иванович Свяжский, Николай Дмитриевич Левин* и *Николенька Облонский*; княжна *Варвара* (тетка Анны) и мадмуазель *Варенька*; *Сергей Иванович Кознышев* и *Серёжа Каренин*.

В соответствии с сословными традициями слуги называли господских детей полными именами. Характерным в этом отношении является эпизод, когда слуга представляет Облонскому двенадцатилетнего сына Анны *Сергеем Алексеевичем*.

Психологическое мастерство Толстого ярко проявляется в различных именованиях одного и того же лица разными людьми в различных коммуникативных ситуациях. Так, одного героя называют то князем *Облонским*, то *Степаном Аркадьевичем*, то *Стивой*; *Варварой Андреевной*, мадемуазель *Варенькой* или просто *Варенькой* называют молодую девушку разные персонажи.

В этом отношении интересна истории имени *Кити*. Её называют княжной *Щербицкой* (в свете), *Катериной Александровной*, *Катенькой* и *Кити* (в семье). Но Левину особенно приятно было называть её *Катей*, как называл её покойный брат Николай, что подчёркивает духовную близость любящих и любимых Левиным людей.

Часто выбор формы имени характеризует отношения между персонажами. Например, князь Облонский называет любимую дочь *Танчурочкой*; в минуты примирения Кити называет сестру *Доллинька*. А Долли, собираясь разводиться с мужем, по привычке назвав его *Стивой*, смущенно поправляется – «*Степан Аркадьевич*».

Выбор формы наименования персонажа отражает и авторское отношение к нему. Так, авторские симпатии и антипатии выражаются в том, что любимых героев он называет личными именами, а нелюбимых чаще только фамилиями. *Каренин* или *Алексей Александрович*; *Вронский* или *Алексей Кириллович*; князя Щербацкого он либо называет *старым князем*, либо *князем Александром Дмитриевичем*, а его жену безлично – «*княгиня*».

Что касается главной героини, то Толстой её называет чаще всего полным именем *Анна*, иногда *Анна Аркадьевна* и никогда не называет уменьшительной формой имени. Очевидно, мотивацией этого служит внутреннее неприятие Толстым того, что символизирует собой Анна, и даже осуждение Толстым своей героини.

Здесь же вполне уместно затронуть вопрос о личных ономастических пристрастиях Толстого, так, имя его любимого рано умершего брата Николаеньки часто появляется на страницах произведений Льва Николаевича в разные периоды его творчества, но нас в данном случае интересует, кто из родственников и ближайшего окружения Толстых «дал» свои имена персонажам «*Анны Карениной*». Таких примеров можно привести множество: здесь и имена яснополянских крестьян (Агафья Михайловна), и друзей семей Толстых и Берсов (Варвара Андреевна – Кислинская, Николай Иванович – Трубецкой, Николай Дмитриевич – Банников). Но особый интерес в данном отношении представляют имена близких Толстому людей, чьи родственные отношения послужили основой для создания имен и родственных взаимосвязей центральных персонажей романа.

Княжна *Щербацкая* и её старшая сестра – *Катерина Александровна* и *Дарья Александровна* – получили свои имена от реальных прототипов. Старинный студенческий друг Льва Николаевича – Дмитрий Алексеевич Дьяков – был женат на Дарье Александровне Тулубьевой, которую в семье и близкие называли по-английски *Долли*. У неё была младшая сестра – Катерина Александровна, для близких – *Кити*. Никаких сомнений прототипы этих героинь не вызывают, о чем свидетельствуют воспоминания, например, Т.А. Кузьминской. Кстати, их брат носил имя Алексей Александрович, но соотносить его с именем мужа Анны нет достаточных оснований. И особенного внимания заслуживает имя *Мария*. К сожалению, формат данной работы не дает возможности рассмотреть этот вопрос, что мы постараемся сделать позже.

Проведенное нами наблюдение показало, что антропонимическая лексика является одной из существенных текстообразующих категорий в художественном дискурсе. Однако только более системный и разноплановый анализ литературного ономастикона. причем не только одного романа и даже творческого наследия отдельного автора, позволит сделать выводы о стилистических и идейно-художественных возможностях данных ресурсов русского языка.

Список литературы

1. Виноградов В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М. : Гослитиздат, 1959. – С. 245.
2. Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне / Т. А. Кузминская. – М. : Правда, 1986. – С. 334–335.
3. Толстая С. А. Мои записки разные для справок / С. А. Толстая // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. – ГИХЛ, 1955. – Т. 1. – С. 153.
4. Щерба Л. В. Опыт лингвистического толкования стихотворений / Л. В. Щерба // Советское языкознание. – 1936. – Т. 2. – С. 129.

References

1. Vinogradov V. V. *O yazyke khudozhestvennoy literatury* [On the language of fiction]. Moscow, Goslitizdat publ., 1959, p. 245.
2. Kuzminskaya T. A. *Moya zhizn doma i v Yasnoy Polyane* [My life at home and in Yasnaya Polyana]. Moscow, Pravda publ., 1986, pp. 334–335.
3. Tolstaya S. A. *Moi zapiski raznye dlya spravok* [My notes are different for reference]. *L.N. Tolstoy v vospominaniyakh sovremennikov* [L.N. Tolstoy in the memoirs of contemporaries]. GIKhL publ., 1955, vol. 1, p. 153.
4. Shcherba L. V. *Opyt lingvisticheskogo tolkovaniya stikhotvoreniy* [Experience of linguistic interpretation of poems] *Sovetskoe jazykoznanie* [Soviet linguistics], 1936, vol. 2, p. 129.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Горлова Галина Николаевна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: alexgalin@mail.ru.

Горлова Елена Сергеевна, магистрант, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: egorlova77@mail.ru.

В статье рассматриваются категория интертекстуальности и прецедентные феномены как атрибут политического дискурса на материале текстов В.В. Путина, представленных в рамках избирательной кампании. Автор анализирует использование прецедентных феноменов в функционально-прагматическом аспекте.

Ключевые слова: интертекстуальность, прецедентный феномен, прецедентное высказывание, прецедентное имя, политический дискурс

PRECEDENT PHENOMENA IN THE MODERN POLITICAL DISCOURSE

Gorlova Galina N., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State University, 410056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: alexgalin@mail.ru.

Gorlova Elena S., Undergraduate Student, Astrakhan State University, 410056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: egorlova77@mail.ru.

The article examines the category of intertextuality and precedent phenomena as an attribute of political discourse on the material of Putin's texts represented in the election campaign. The author analyzes the use of precedent phenomena in the functional-pragmatic aspect.

Keywords: intertextuality, precedent phenomena, precedent utterance, precedent name, political discourse